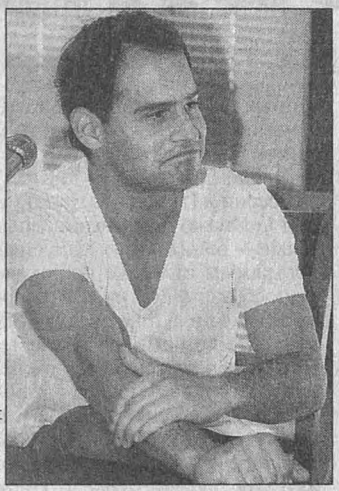
Мориц БЛЯЙБТРОЙ:

Известия. – 2001. – 24 июля. – с. 8

Мне не нужно помогать, когда я работаю над ролью

Мориц БЛЯЙБТРОЙ, пожалуй, самый известный современный немецкий актер. Он и истеричный турецкий гангстер из «Достучаться до небес», и Манни из главного германского хита последних лет «Беги, Лола, беги», и Насреддин из «Лунного папы» Бахтиера Худойназарова. На фестиваль баварского кино, проходящий в кинотеатре «Зарядье», Бляйбтрой привез два своих фильма — триллер «Эксперимент» и комедию «В июле».



АЛЕКСАНДР КОРОЛЬКОВ

— Многие ваши персонажи — едва ли не психопаты, а вы человек на вид довольно спокойный. Почему так происходит?

— Да, это правильное наблюдение. У меня часто бывают персонажи-истерики, но это моя работа — в конце концов я актер. Обычно любят за какие-то определенные роли. Допустим, за роли в комедиях. Поэтому, говоря об актере (обо мне, в частности), люди иногда забывают, что он вполне способен сыграть и драматическую роль. Моя работа в фильме «Эксперимент» — пример такой серьезной роли. А вот «В июле» — второй фильм, который представляю на фестивале, — это, наоборот, комедия. Многие работы просто забываются, зачастую заслуженно. Я, например, сыграл в 30 фильмах (в том числе и в откровенно плохих), а зрители запомнили всего несколько.

— Сценарий «Эксперимента» основан на реальных психологических опытах, которые в семидесятых проводились в Стэнфордском университете. Вы встречались с кем-нибудь из участников тех событий?

— Нет. И я не думаю, что встречи с ними могли бы мне помочь. Фильм — это все-таки драматическая работа. И моя задача — представить эмоции и мотивы героя. О них не всегда можно узнать, даже встретившись с прототипом. К тому же я сам работаю над ролью, так я чувствую себя свободнее. Не думаю, что человек, участвовавший в эксперименте, может дать мне почувствовать то, что чувствовал он. Игра — это игра, а жизнь — это жизнь. Есть небольшая разница.

— Будете ли вы еще сотрудничать с режиссером «Беги, Лола, беги» Томом Тыквером?

— Да. Это один из лучших режиссеров Германии. Возможно, скоро нам представится возможность вместе поработать в Америке. И я охотно буду у него сниматься.

— Фильм «Лунный папа» у нас прошел почти незамеченным для широкой аудитории. Как его принимали в Европе, и в Германии в частности?

— Это особенный фильм, не такой массовый, как «Достучаться до небес» или «Беги, Лола, беги». Картина рассчитана на узкую целевую группу, потенциальных зрителей очень немного. И то, что в Германии «Лунного папу» посмотрели 200 тысяч человек, — это, я считаю, совсем неплохой вариант. В России с фильмом возникли некоторые проблемы, потому что прокат и реклама были поставлены не лучшим образом. Может быть, из-за этого он не имел такого успеха в вашей стране.

— После съемок «Лунного папы» у вас остались русские друзья?

— Да, здесь я познакомился с очень многими интересными людьми, в основном с «Мосфильма». К сожалению, никого из них сейчас нет в городе, наверное, из-за жары. Уехали отдыхать куда-нибудь.

— Вы жили и в Париже, и в Риме, и в других больших городах. Как вам кажется, Москва похожа на европейский мегаполис или это что-то другое?

— Вообще, Россия — это действительно что-то специфическое. Сейчас Москва напоминает мне Восточный Берлин десятилетней давности, сразу после падения стены. За последние три года я побывал в Москве трижды, и каждый раз нахожу что-то новое. Здесь все очень быстро меняется, и за этим очень занятно наблюдать.

— Вы отдаете себе отчет в том, что вы сейчас, возможно, самый популярный в мире немецкий актер?

— Учитывая богатую историю моей страны, ее культурные традиции, наконец, размеры, мне странно думать, что именно я представляю немецкое кино за границей. Наверное, дело в том, что на данный момент национальное самосознание в Германии раздроблено — оно практически отсутствует. Но, с другой стороны, может быть, я своими работами отчасти помогаю моим соотечественникам что-то про себя понять.

— Кем вы себя ощущаете: немцем или все-таки европейцем?

— Европейцем.

Мария КУВШИНОВА